Юревич Андрей Владиславович
доктор психологических наук,
член-корреспондент РАН,
зам.директора Института психологии РАН.
Тел. 682-12-24,
yurevich@psychol.ras.ru

НАУКА И ПОЛИТИКА: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ученые в политике

Одним из самых заметных явлений в нелегкой жизни современной российской науки стал массовый исход ученых в политику. И хотя по масштабам этот вид утечки умов не может сравниться с двумя ее другими видами – эмиграцией российских ученых и их переходом в бизнес, по своей значимости он вполне сопоставим с ними, оказывая большое влияние и на науку, и на политику.

Причины массовой миграции людей науки в политику достаточно очевидны. С конца 1980-х гг. наша страна переживает культ политики и всего, что с ней связано. В этих условиях политика, где к тому же сосредоточены большие деньги, служит естественным центром притяжения для активных и честолюбивых людей, ведь участие в ней, сопряженное с постоянным вниманием СМИ – гораздо лучший способ обрести известность, чем десяток-другой научных книг или даже получение Нобелевской премии. Весьма способствует обращению к политике и мессианское сознание, свойственное ученым вообще и российским интеллектуалам в особенности. Его характерное выражение – описанное еще С. Н. Булгаковым настроение: «Россия должна быть спасена, и спасителем ее может и должна явиться интеллигенция вообще и даже имярек в частности, и помимо его нет спасителя и нет спасения» [1, с. 56]. К этому следует добавить и традиционную политизированность нашей интеллигенции[1], а также характерную для российского менталитета веру в то, что все происходящее в обществе всецело определяется политикой, вследствие чего многочисленные «спасители отечества» занимаются именно ей.

---

[1] Один из авторов «Вех», М. О. Гершензон, например, писал о «тирании политики», охватившей русскую интеллигенцию, отмечая, что «с первого пробуждения сознательной мысли интеллигент становился рабом политики, только о ней думал, читал и спорил, ее одну искал во всем» [2, с. 96], и «средний интеллигент, не опьяненный активной политической деятельностью, чувствовал себя с каждым годом все больнее» [там же, с. 102]. А про современную Россию С. С. Рапопорт пишет: «...судя по ежедневным текстам средств массовой информации, может показаться, что главное в жизни людей – это политика (которой конкуренцию в этом смысле составляют сериалы и шоу-бизнес)» [3, с. 187].

Менее понятным выглядит обратный феномен – влечение *к науке* политиков[2], которые в перерывах между политическими баталиями пишут «научные» книги и защищают диссертации. Но более всего сближает политиков и ученых любовь к ученым степеням, званиям и членству в престижных академиях. Многие известные политики имеют ученые степени, причем предпочитают докторские и полученные в области наиболее конъюнктурных в современной России наук – экономики и политологии. Отмечается, что «сегодня едва ли не каждый второй высокопоставленный чиновник значится кандидатом или доктором наук» [5, с. 4], и, разумеется, «кто из них настоящий – понять невозможно» [там же, с. 4]. В результате такой тяги политиков к ученым степеням наша политика, несмотря на явный дефицит ее интеллектуального обеспечения, сейчас самая «остепененная» в мире. Так, например, в 1998 г. ученые степени имели больше половины членов Правительства, среди министров 24 % были кандидатами наук и 49 % – докторами наук. Не слишком отставала и законодательная власть: среди депутатов Государственной Думы 22 % составляли кандидаты и 12 % доктора наук. А в числе руководителей думских фракций кандидатов наук было 19 %, докторов – 17 % [6].

Подобное «братство» бедной науки и богатой политики[3] объясняется многими причинами: и все еще сохранившимся уважением наших сограждан к ученым степеням, и предельной простотой их получения – особенно для политиков, и желанием тех, кто покинул науку или никогда ею не занимался, считаться ученым, и стремлением ассоциироваться в массовом сознании не с политикой, которая, несмотря на всю свою популярность, считается «грязным делом», а с наукой, и намерением закрепить за собой устойчивый социальный статус, независимый от политической конъюнктуры (ученую степень, в отличие от должности в госаппарате или места в мире политиков невозможно потерять) и т. д. Но, наверное, главная причина повышенного интереса политиков к ученым степеням состоит в том, что они символизируют принадлежность к науке, обладание ими превращает политика в *эксперта*, дает ему возможность выступать от ее имени, формулируя свое личное мнение как мнение компетентного специалиста.

И все же это – «братство» далеко не равных, очень заметно, кто в нем старший, а кто – младший «брат». Политика для ученых куда более притягательна, чем наука для политиков, и отток кадров из науки в политику куда интенсивнее их обратного движения. Следует также иметь в виду, что в советские годы, не имея доступа к политике, бизнесу и другим видам деятельности, характерным для честолюбивых и предприимчивых людей, отечественная интеллигенция была предель-

[2] Несмотря на то что, как подчеркивает А. Г. Ваганов, в современном мире «политика сама по себе – это концентрированное выражение научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок» [4, с. 185], в нашей стране это пока не так.

[3] Отметим, что в нашей стране оно имеет давнюю историю. Например, И. В. Курчатов одновременно принадлежал и к научной и к политической элите, а В. М. Молотов был почетным членом АН СССР.

но сконцентрированной в науке, служившей для нее наиболее подходящей социальной нишей, а также «убежищем от буйства и насилия власти» [7]. Это благотворно влияло на отечественную науку (хотя и создавало в ней явный избыток кадров), но в то же время формировало явно неестественную структуру распределения интеллигенции по профессиям. В результате в отечественной науке оказалось сосредоточено большое количество чуждых ей по духу и психологическому складу людей, и с конца 1980-х гг. происходит вполне естественное «отжимание» из нее чужеродного материала.

С. С. Рапопорт «среди страстей, затягивающих интеллигентов и их попутчиков в политику» [3, с. 193], т. е. среди основных мотивов их приобщения к ней, выделяет следующие: 1) стремление к материальным благам; 2) стремление к власти как самоценности; 3) стремление к ощущению значительности; 4) мотив общественного служения [там же]. Эта картина, несколько принижающая значимость иррациональных мотивов, проистекающих из различных психологических комплексов (см. [8]), достаточно универсальна в том плане, что раскрывает мотивы обращения к политике не только интеллигенции, но и других слоев населения. Она примечательна и тем, что если, скажем, человека, приобщившегося к политике, спросить, зачем он занимается ею, он, наверняка, назовет лишь 4-й мотив и его производные, «скромно» оставив более личные причины за кадром, в то время как, по мнению С. С Рапопорта, в действительности «такой мотив политактивности, как служение обществу, в лучшем случае сводится к мотиву стремления к престижу, представленному выше как стремление к личной значимости, или психологической корыстности» [3, с. 210]. Впрочем, совсем уж не доверять искренности стремления политиков к общему благу так же несправедливо, как и всецело доверять их уверениям в том, что они руководствуются исключительно этим стремлением.

С. С. Рапопорт систематизирует также формы политической *активности* интеллигентов, разделяя их на 5 категорий. К первой категории он относит «именных участников», которые вошли в «символический пантеон» страны, став президентами, премьерами, спикерами парламента, лидерами крупных политических партий; ко второй – «менее заметных именных участников», принадлежащих к руководству больших и малых партий, но не претендующих на принадлежность к первой категории; к третьей – «именных реформаторов и комментаторов», т. е. ведущих журналистов, политологов, социологов и др., активно участвующих в политической жизни; к четвертой – «безымянных участников политической «массовки», сотнями входящих в партийные списки; к пятой – интеллигентов, «безымянно ангажировавшихся в темпераментные обсуждения» политических сюжетов на кухнях, в кафе, служебных курилках и т. п. [3]. Нетрудно заметить, что основаниями этой классификации служат, во-первых, уровень политической мобилизации интеллигентов, во-вторых, их место в политической иерархии общества.

Опираясь на обильную литературу, посвященную политическому поведению российской интеллигенции, можно выделить и более глобальные типы отечественного интеллигента, которые, впрочем, выглядят вполне интернационально. Во-первых, познающий тип – «мыслитель», во-вторых, идеологический тип – «идеолог», в-третьих, действующий тип – «человек дела»[4]. Хотя существует немало людей, которым равно хорошо удается и первое, и второе, и третье, природа не так щедра, и обычно наделяет интеллектуала каким-либо одним из этих дарований. В результате неудивительно, что как только наше общество «открылось» (в смысле К. Поппера) самому себе, а его профессиональная структура начала приобретать относительно нормальный характер, лишь представители познающего типа сохранили верность науке, в то время как искусственно сосредоточенные в ней «мыслители поневоле» ушли: представители действующего типа – преимущественно в бизнес, а идеологического – в политику.

Подобная картина, конечно, изрядно огрубляет истинное положение дел уже хотя бы потому, что политика – это тоже бизнес, а бизнес очень зависим от политики. Хотя бытует мнение о том, что в политику идут «идеалисты», желающие изменить общество к лучшему, а в бизнес – «материалисты», безразличные к судьбе этого общества и нацеленные на личное обогащение [10], две основные траектории «внутренней» утечки умов постоянно пересекаются. Немало бывших ученых пришло в политику транзитом через бизнес или, наоборот, – в бизнес через политику. Кроме того, как известно, наши политики, даже оказавшись на высоких государственных должностях, на досуге занимаются бизнесом, а бизнесмены непрерывно взаимодействуют с политиками, например, посредством выплаты им впечатляющих гонораров за их «научные труды». В 1990-е годы эта тенденция затронула нашу не только исполнительную, но и законодательную власть: в 1996 г., например, каждый девятый депутат Государственной думы был бизнесменом [6]. Отставные же чиновники крупного ранга часто становятся политиками, создавая собственные политические партии и движения, а их путь сформировал еще одну стандартную траекторию приобщения ученых к политике, и в этом плане наша страна не является исключением. В то же время вывод о том, что «*видные* [курсив

---

[4] Несмотря на интернациональный характер этой триады, разным народам явно свойственны различные пропорции составляющих ее типов. Так, давно подмечено, что «люди дела» у нас встречаются реже, чем в западных странах, зато «идеологи» имеются в избытке. Д. Овсянико-Куликовский, например, писал: «... тип интеллигента-идеолога был известен повсюду; это общечеловеческий тип, в известные эпохи весьма распространенный. Но в настоящее время в передовых странах Европы он сравнительно редок и большой роли не играет. Другое дело – у нас ... Русская интеллигенция с XVIII века переживает идеологический фазис» [9, с. 387], и «большинство интеллигенции принадлежало к идеологическому типу» [там же]. Этот тип интеллигента в определенном смысле промежуточный между двумя другими: «идеолог слишком философ, чтобы быть практическим деятелем, и слишком моралист, публицист и деятель жизни, чтобы быть философом» [там же, с. 390].

мой. – *А. Ю.*] ученые стали политиками, экспертами, советниками, и этот поход научной элиты во власть, как в России, так и в США, является закономерностью» [11, с. 277], слишком оптимистичен в плане оценки собственно научных заслуг ученых, уходящих в политику.

«Мозги» и власть [5]

Поскольку желающих сменить перо на шапку Мономаха намного больше, чем подобных шапок, ученые чаще участвуют в политике в качестве не самостоятельных политиков, а советников, консультантов и аналитиков *при* них. Бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер писал: «...интеллектуала крайне редко можно встретить на высшем уровне принятия решений. Обычно его роль – консультативная» (цит. по: [12, с. 41]). Эта доминирующая роль ученых в политике предопределена тем, чего обычно не хватает политикам, и, соответственно, тем, что они хотят получить от людей науки. Как однажды выразился Ш. Де Голль, «политику нет нужды обладать умом Спинозы, его “ум” – это его советники и аналитики».

Любой современный политик хорошо понимает это [6], окружая себя вспомогательными «мозгами», которые рекрутирует в основном из ученых, а аналитический штат крупных политических деятелей во многих отношениях напоминает НИИ. Отсюда проистекает «обрастание высшей исполнительной власти обслуживающим ее экспертным аппаратом, а также сходные процессы, которые происходят за пределами институтов государственной власти – в крупных партиях, профсоюзах и других общественных организациях» [14, с. 220]. Данное обстоятельство отмечает и А. П. Огурцов: «Государство через аппарат управления наукой нередко непосредственно требует от науки решения своих собственных проблем. Вместе с тем, наука оказывает воздействие на механизм принятия решений в правительстве, которое стремится обосновать свои решения с помощью ученых-экспертов [7]. Они начинают выступать уже не просто как эксперты, но в качестве консультантов правительства» [15, с. 409]. А. П. Огурцов акцентирует также такое явление, как *сциентистский либерализм*, превращающий науку в высшую ценность цивилиза-

[5] Термин «власть» автор употребляет в широком смысле слова, охватывающем всю властвующую элиту. При этом рассматривается взаимоотношение российской науки лишь с внешней по отношению к ней властью, а проблема ее взаимоотношений с «внутренней» властью, т. е. с органами руководства самой российской наукой, и возникающие в связи с этим конфликты в данном контексте не затрагивается.

[6] Равно как и ученые. Как показывает Э. И. Колчинский, уже в XIX – начале XX в. «многие российские ученые были убеждены, что им как экспертам должно принадлежать последнее слово в судьбоносных для страны вопросах, прежде всего в ее модернизации» [13, с. 143].

[7] С недавнего времени заговорили и о «тирании экспертизы», хотя, наверное, «тирания» решения различных социальных проблем без привлечения экспертов намного хуже.

ции и стремящийся рационализировать все сферы общественной жизни с позиций науки [там же]. Широко известна и склонность наших известных политиков, например Н. С. Хрущева, окружать себя известными учеными, тем самым демонстрируя свою прогрессивность и приверженность передовой науке [16]. Отсюда – сделанная им попытка трансформировать «научный истеблишмент» в один из ключевых компонентов советской элиты [там же].

Разумеется, политики не обращаются за советами к кому попало, а стремятся подобрать себе советников и аналитиков из числа наиболее известных интеллектуалов. Списки интеллектуалов, состоящих консультантами и аналитиками при президентах западных стран, часто пестрят фамилиями Нобелевских лауреатов. Эта традиция может быть прослежена с достаточно давних времен. Так, Т. Рузвельт, по свидетельству его биографа Р. Моли, ни разу не держал в руках ни одну серьезную книгу, однако рекрутировал в качестве советников профессуру, отдавая предпочтение наиболее известным – в науке – ученым [17]. На университетскую профессуру опирался в выработке своей политики и А. Пиночет, чем во многом объясняются его политические и экономические успехи [14]. Существенную роль играет так же то, что «привлечение на свою сторону крупных интеллектуалов давало политическим властителям не только научные достижения, но и дополнительные аргументы в борьбе со своими оппонентами» [11, с. 273].

Несколько иначе обстоит дело в нашей стране, где политические партии стремятся усилить свои позиции с помощью привлечения в свои ряды не ученых, а куда более популярных в нынешней России спортсменов и шоуменов. Например, проведенное в 1990-е годы исследование продемонстрировало, что перспективы приближения ученых к власти определялись у нас четырьмя основными факторами. Во-первых, известностью, завоевываемой не научными заслугами, а регулярными выступлениями в средствах массовой информации. Во-вторых, лояльностью политикам, явно предпочитающим тех интеллектуалов, которые продемонстрировали им свою личную преданность. В-третьих, пробивными способностями самих интеллектуалов – умением привлечь внимание, протолкаться поближе к власти и проявить те способности, которыми обладал персонаж известной книги «Закон Паркинсона» мистер Пролез. И в-четвертых, умением оказаться в нужное время в нужном месте, предполагающим особый «нюх» на то, что, где и когда нужно сделать, чтобы власть имущие тебя заприметили. В результате типовой ученый, консультировавший наших политиков в те годы, был выходцем из «среднего» слоя научного сообщества, активным кандидатом наук, не снискавшим особых лавров в науке, но преуспевшим в саморекламе и сблизившийся со СМИ [6].

Подобный механизм приближения «мозгов» к власти обладает потенциями самоукрепления и самоиндуцирования. Пытаясь расширить или обновить свой вспомогательный штат, политики вынуждены полагаться в основном на рекомендации уже работающих на них экспертов, которые рекомендуют тех, кто им наиболее близок и удобен.

Кроме того, как отмечает А. Макарычев, «рыцари плаща и кинжала» стараются в минимальной степени привлекать себе в помощь внешних экспертов, предпочитая опираться на «своих людей», особенно среди сотрудников среднего и высшего звена [12, с. 42]. В частности, «современные политики нередко совершают ту же ошибку, приглашая только тех экспертов и консультантов, которые полностью разделяют господствующие политические взгляды» [11, с. 271]. Так формируются сообщества, которые Р. Мертон назвал «кликами советников» [18, p. 264], и создается знакомая нам ситуация: тасуя придворных интеллектуалов, власть ходит по кругу, периодически снимая и назначая одних и тех же людей. А «клики советников» во время политических баталий становятся своеобразным громоотводом. Политики метят друг в друга, но, в соответствии с правилами политических дискуссий вынужденные критиковать не личность оппонента, а принимаемые им решения, неизбежно попадают в советников, под влиянием которых эти решения принимаются. В результате именно «институт экспертов становится наиболее уязвимой мишенью для конкурирующих политических группировок» [19, с. 12].

«Видимые» интеллектуалы

В силу описанной специфики отечественного механизма приближения «мозгов» к власти, наши политики, стремясь подыскать себе наилучших, на деле находят наиболее известных, «видимых» [20] интеллектуалов, что, естественно, сказывается на типовых качествах ученых, приобщающихся к политике.

По мнению американского политолога Л. Козера, «для того, чтобы действовать на равных среди тех, кто наделен властью, – либо в качестве собственно политика, либо в качестве эксперта, – необходимо принести в жертву интеллект» (цит. по [19, с. 12]). Считается, что в политике достигают успеха преимущественно те, чей интеллектуальный уровень выше среднего, но *ненамного*, поскольку люди со слишком высоким интеллектом воспринимаются массами как «чужие» и «непонятные». Так, например, исследования показывают, что наиболее низкий потенциал политического влияния имеют те лидеры, чей интеллектуальный уровень в 3–4 раза выше среднего, а наиболее высокий – те, чей интеллектуальный уровень превышает средний лишь на 25–30 % [6]. А по таким объективным показателям научной продуктивности, как цитат-индекс и количество публикаций, ученые, уходящие в политику и в бизнес, в 4–5 раз уступают своим коллегам, остающимся в науке, причем работы 70 % подобных экс-ученых вообще никем и никогда не цитировались [21]. В общем, факты говорят о том, что из науки уходят в основном те, кто в ней ничего существенного не добился, что естественно: чем меньше имеешь, тем проще расставаться с тем, что накопил. И поэтому «в политику хлынули профессора и доценты, научные работники и инженеры, не сумевшие по тем или иным причинам получить признание и

выйти на первые места в своей области» [14, с. 205] – не только вследствие недостатка мотивации, но и ввиду отсутствия необходимых для этого интеллектуальных дарований.

Но дело не только в уровне интеллекта. Исследования демонстрируют, что ученые – это люди весьма специфического *эмоционального* склада, испытывающие повышенную потребность в спокойствии и безопасности и поэтому стремящиеся избегать тех нервных и неопределенных ситуаций, которые характерны для политики [22]. При этом, как отмечает Д. А. Александров, «ученые в области политики обычно настроены умеренно ортодоксально и не любят резких перемен, в какие бы стороны они ни были направлены, полагая их опасными для науки» [23, с. 569]. Часто акцентируются также различия в *моральных* качествах ученых и политиков. «Политика портит характер», – гласит народная поговорка. «Кто отдается политике, тому трудно сохранить себя от притупления чувства истины и справедливости. Людей с высшими стремлениями и тоньше чувствующих партийная жизнь отталкивает, и они вообще отстраняются от общественной жизни», – утверждал в начале века, когда политика еще не считалась «грязным делом», Б. Паульсен (цит. по [24, с. 372]). Наука требует объективности, а политика – это служение партийным интересам, и по большому счету лишь небезызвестная «партийная» наука совместима с политикой. «Соединить приверженность знаниям с осуществлением политической власти невозможно. И тот, кто пытался добиться этого, оказывался либо плохим политиком, либо плохим ученым», – писал известный американский социолог У. Липманн [19, с. 15]. Акцентируется и то, что «в политике, в отличие от науки, нет не только объективной истины, но даже стремления и приближения к ней, так как истиной считается то, что нужно верхушке господствующего класса каждой данной страны» [11, с. 269].

Тем не менее, позиции ученых в отношении сотрудничества с политиками неоднозначны. Например, Н. Хомский выделяет три такие позиции, характерные для западных интеллектуалов. Первая состоит в непричастности к власти, которая воспринимается ими как коррумпированная, и поэтому они предпочитают «со стороны» наблюдать и оценивать действия политиков, не сотрудничая с ними. Вторая позиция допускает ограниченное сотрудничество с властью в целях ее просвещения, но в отсутствие сближения с ней. Третья позиция предполагает возможность сотрудничества с «хорошей» властью и необходимость бойкотирование «плохой» [25].

В нашей стране выходцам из науки, ушедшим в политику, в основном даются не слишком лестные характеристики. Например, такая: «Некоторые политики нового поколения работали в научно-исследовательских институтах. Но это не означает, что они и в самом деле были учеными: они лишь пришли из “научных кругов”, и их многочисленность вполне понятна. Советская общественная наука была резервуаром беспринципных интеллектов и неудовлетворенных амбиций» [7, p. 722–723]. Отмечается, что в советской научной среде нередко встречались люди, близкие по духу торговым работникам, нечувствительно вступавшие в

партию, легко шедшие на контакт с «органами» и т. п. [26, с. 14], «порой счастливо соединялись любовь к науке и наживе, презрение к власти и карьеризм» [там же]; в общем, вырабатывалось сочетание качеств, весьма полезное и для политиков, и для тех, кто на них работает. И, конечно, «эти господа оказались куда лучше подготовленными к рынку и капитализму, чем их высоколобые коллеги»" [там же], в результате чего мы видим на высоких трибунах и экранах телевизоров именно их, в то время как «высоколобые» не удостаиваются такой чести.

Следует также отметить, что в «смутные» 1990-е ученые, оказавшиеся во властных и околовластных структурах, не слишком сочувственно обращались со своими бывшими коллегами и, в отличие от представителей других ведомств, не только не лоббировали их интересы, но, напротив, часто действовали вопреки им. Так, например, в Государственной думе многие обладатели ученых степеней регулярно голосовали против увеличения расходов на науку, а экс-ученые, оказавшиеся в органах исполнительной власти, еще более решительно урезали расходы на нее. Подобные явления, по-видимому, были обусловлены не только традиционной разобщенностью российской интеллигенции, но и тем, что посредственные ученые, оказавшись на высоких постах, сознательно или неосознанно мстили науке за то, чего в ней *не* добились.

Динамика архетипа

При существовании ряда типовых качеств ученых, приобщающихся к большой политике, эта категория интеллектуалов весьма неоднородна, что сказывается, в частности, на том, какое конкретное место они себе там находят. Так, З. Бауман разделил интеллектуалов, участвующих в политической деятельности, на два типа – «ученых-законодателей» и «ученых-переводчиков», подчеркнув, что, если функция первых состоит в разработке моделей общественного устройства, то вторых – в том, чтобы облегчать взаимодействие между участниками политической жизни [27, p. 93]. Х. Дженкинс-Смит выделил три варианта участия ученых в политическом процессе, описав «объективных техников», реализующих социально-политические технологии, «адвокатов идеи», разрабатывающих и отстаивающих политические доктрины, и «адвокатов клиента», защищающих интересы определенных личностей или политических групп [28]. С. А. Ушакин предпочитает говорить об «экспертах с ограниченной ответственностью» и «интеллектуальных идеологах» [19]. Ю. М. Плюснин – об ученых-«цеховиках», производящих научное знание, и ученых-«презентаторах», «деятельность которых рассчитана на массовое потребление» [29, с. 80] этого знания. А В. Е. Лепский выделяет пять основных субъектов тех социально-политических процессов, которые в Горбачевские времена именовались «перестройкой» (вспомним историческую последовательность идеологических ориентиров наших социальных пертурбаций: «ускорение» – «перестройка» – «реформы» – «стабилизация»). К их числу он относит «менял», «идеалистов», «раз-

рушителей», «ТНК» и «мародеров-мифологов» [30]. По его мнению, главными действующими лицами перестройки были «менялы», обменивавшие номенклатурный ресурс бывшей властной элиты на материальный ресурс будущей [там же].

Нетрудно заметить, что описанные систематизации близки друг к другу, а соответствующие типы ученых – к тому, что в нашей публицистике именуется «идеологами» (они же – «интеллектуальные идеологи», «ученые-законодатели» или «адвокаты идеи»), «реформаторами» («ученые-переводчики», «техники социальной организации» или «объективные техники») и «обслуживающими» («эксперты с ограниченной ответственностью» или «адвокаты клиента»).

Как правило, достаточно выражена и *динамика* востребованного общественно-политической жизнью типа интеллектуала, в результате чего на ее поверхность последовательно всплывают сменяющие друг друга типы. Здесь уместно вспомнить мысль Т. Карлейля о том, что революции идейно подготавливают романтики, совершают прагматики, а их плодами пользуются проходимцы (см. [31]). А Г. Федотов писал: «Петр оставил после себя три линии преемников: проходимцев, выплеснутых революцией и на целые десятилетия заполнивших авансцену русской жизни, государственных людей – строителей империи, и просветителей-западников, от Ломоносова до Пушкина поклонявшихся ему как полубогу» [32, с. 418]. Абстрагируясь от весьма спорной моральной стороны дела, акцентируемой подобными изречениями, подчеркнем, что время всегда «лепит» из достаточно пластичного интеллектуального материала тот тип политически активного интеллектуала, который наиболее востребован в данный момент. По этой причине, хотя спрос на интеллектуалов в качестве, скажем, идеологов существовал всегда, он возрастал в переходные, революционные эпохи, требовавшие новых идеологий. В результате интеллектуалы, которые в иные времена были бы кем-то другим, в периоды значительных социальных изменений становились идеологами.

В России конца 1980-х гг. наиболее известными представителями этого типа ученых явились т. н. «архитекторы перестройки», разрабатывавшие идеологию наших реформ и в их идейной подготовке сыгравшие роль, которую без особого преувеличения можно сравнить с ролью французских Просветителей в подготовке Французской революции. На первом – Горбачевском – этапе наших реформ в системе взаимоотношений науки и политики «доминировали представители того поколения обществоведов, которое обычно называют “шестидесятники”» [20, с. 93], что естественно, поскольку «сама перестройка была инициирована деятелями этого поколения, сумевшими достичь высоких постов в партийно-государственных структурах» [там же], и, кроме того, «оно выработало известный идейный багаж, обладало опытом противостояния отжившим идеологическим структурам и в то же время уже доминировало в большинстве научных коллективов» [там же].

Начиная с известных событий 1991 г., на первый план вышел другой типов ученых – «реформаторов», которые, подчас действуя и как идео-

логи, отличались от «архитекторов перестройки» тем, что сами свои идеологемы и реализовывали. «Реформаторы», в отличие от своих предшественников, были сравнительно молоды (в результате чего наши СМИ окрестили их «младореформаторами»), имели в основном не докторские, а кандидатские ученые степени, и оттеснение ими «архитекторов перестройки» выглядело как «революция кандидатов», которые не обладали высоким статусом и известностью *в науке*, что создавало впечатление, будто они пришли «ниоткуда». Но это, естественно, иллюзия. Не обретя известности в науке, они перед началом реформ закрепились в «предполитических кругах» и именно оттуда совершили свой прыжок в большую политику. В отличие от «архитекторов», которые слывут «демократами-идеалистами», «реформаторы» обычно характеризуются как «демократы-прагматики» [14], не имевшие прочных демократических убеждений, использовавшие лозунги свободы и демократии в личных целях, а также в целях оправдания приватизации. Большим преимуществом «реформаторов» стало личное участие во власти, ведь «личный доступ к лицам, принимающим решения, считается наиболее быстродействующей из всех возможных для ученого форм влияния» [33, с. 92].

Если «архитекторы» воздействовали на власть посредством массового сознания, то «реформаторы», наоборот, – на массовое сознание посредством власти. В отличие от «архитекторов», они одновременно и вырабатывали идеологии (точнее, *до*рабатывали заимствованные на Западе идеологии), и воплощали их в жизнь. В результате по нашей политической авансцене прошелся такой специфический для нее феномен, как действующий идеолог, в других странах представляющий собой довольно редкое явление. В частности, как отмечает А. Макарычев, «случаи, когда эксперт и политик предстают в одном лице, относительно редки для высших эшелонов власти стран Запада» [12, с. 42], где сложилось разделение труда между теми, кто социально-политические идеи генерирует, и теми, кто их реализует. Идеологи наших реформ сами же воплощали свои идеи в жизнь, хотя и постоянно сетовали на то, что им мешают, объясняя этим несоответствие получившегося задуманному. Данное обстоятельство тоже создавало для них преимущество, поскольку «порой то обстоятельство, что авторы новых подходов получают возможность их реализации, сказывается благотворно на эффективности политических шагов» [12, с. 42]. Вместе с тем, «реформаторы» в качестве действующих политиков связали себя своими идеологиями, а в качестве идеологов, в силу хорошо известного в политической психологии механизма «вложенных интересов» – своими действиями, что лишило их возможности признавать, а значит, и исправлять свои ошибки.

«Реформаторы», по определению, были временным явлением, поскольку бесконечно и даже достаточно долго реформировать что-либо нельзя – даже такую страну, как наша, регулярно переживающую социальные пертурбации и находящуюся в перманентном поиске «собственного пути». Хотя в политологии хорошо известен такой феномен, как *реформы реформ* (см. [8]), которые в нашей стране оказались неизбежными после слишком радикальных преобразований начала 1990-х;

от реформ любое общество устает, равно как и от проводящих их реформаторов, тем более что выступавшие у нас в этом качестве быстро себя скомпрометировали и как личности, и как идеологи, и как собственно реформаторы. И хотя некоторые из них, провозгласив такие идеологемы, как необходимость продолжения реформ, «достраивания капитализма» и др., пытались выступать в роли «вечных реформаторов», происходящие в измученной реформами России социальные процессы оттеснили их на периферию, к тому же превратив в громоотвод для массового недовольства населения результатами реформ. В центре общественных интересов оказалась потребность в обретении стабильности, что вынудило основную часть «реформаторов» уйти с политической авансцены или сменить свое политическое амплуа, благо соответствующий опыт они уже имели, превратившись в начале 1990-х гг. в «демократов» из партийных и комсомольских работников.

На арену вышел другой тип интеллектуалов – *собственно эксперты и аналитики*, в основном сосредоточившие свои усилия, во-первых, на оценке результатов реформ и выявлении причин того, почему они не оправдали ожиданий; во-вторых, на определении путей корректировки неудачных реформ и общих стратегических направлений развития России; в-третьих, на разработке рекомендаций для власти и оценке ее действий по решению конкретных проблем. В принципе, этот набор ролей более характерен для научной интеллигенции, чем роль реформаторов, и вполне естественно, что впоследствии именно он за ней и закрепился.

Рекрутирование соответствующей категории интеллектуалов охватил три их основные группы. Во-первых, прежде обеспечивавших интеллектуальную проработку реформаторских решений, входивших в избирательные и прочие штабы «реформаторов», но либо разошедшихся с ними во мнениях, либо, под влиянием новой конъюнктуры, решивших сменить свою клиентуру. Во-вторых, представителей той части академического сообщества, которая генерирует социально релевантные идеи и стремится к их реализации и которая либо игнорировалась «реформаторами», либо воспринималась ими в качестве идеологических противников. В-третьих, членов научного сообщества или выходцев из него, пустившихся в «самостоятельное плавание» с помощью создания собственных аналитических и исследовательских центров и приобретших известность благодаря СМИ.

Эти категории экспертов и аналитиков находятся в очень непростых, подчас остро конфликтных отношениях друг с другом. А новая власть, в отличие от прежней, окружившей себя «реформаторами» (а также астрологами и т. п.), проявила куда большее желание к взаимодействию с академическим сообществом. Вместе с тем, она явно обнаруживает тенденцию к опоре на разные категории интеллектуалов, резонно избегая делать ставку на какую-либо одну. В результате, палитра ее опорных «интеллектуальных точек» выглядит достаточно пестро, включая и представителей академической науки, и т. н. «независимые» аналитические центры, и лиц, не ангажированных какой-либо ведомственной или вневедомственной принадлежностью. И хотя можно констатировать, что

академическая наука постепенно отвоевывает позиции в отношениях с властью, которые она утратила в начале 1990-х, основное влияние на нее пока оказывают, во-первых, аналитические учреждения, существующие при властных структурах, и, во-вторых, «независимые» аналитические центры.

Вопреки расхожему тезису о невостребованности науки в современном российском обществе, было бы большой (и часто совершаемой) ошибкой недооценивать влияние науки на нашу власть и на все российское, как, впрочем, и на любое другое, общество. Как отмечает В. Ж. Келле, «фундаментальная наука является не только источником новых технологий, но и ядром интеллектуальной культуры, основой всего образовательного процесса» [34, с. 83]. Именно в недрах науки рождаются идеологемы и идеологии, которые радикально изменяют всю жизнь общества: достаточно вспомнить марксизм или, если не уходить так далеко в историю, монетаризм. Перефразируя известное изречение Ф. Фукуямы, можно сказать, что основную статью «экспорта», осуществляемого научным сообществом в другие социальные слои, составляют *идеи*, являющиеся главной формой его «мягкого» влияния на общество [35]. Данная роль науки и форма ее воздействия на общество ничуть не менее важна, чем создание новых технологий и обслуживание политиков.

Идеологии и идеологемы, порожденные учеными, проходят в своей эволюции четыре стадии: 1) отработка внутри науки – в полемике с оппонентами и т. п.; 2) внедрение в массовое сознание; 3) превращение в ориентиры общественной жизни; 4) воплощение в жизнь политиками, вынужденными с этими ориентирами считаться. Интеллектуалы вообще и ученые в частности характеризуются как «социоморфы», «сообщающие форму обществу» [36, с. 118]. Подобная роль интеллектуалов акцентирована П. Валери и многими другими мыслителями. При этом влияние интеллектуалов может охватывать не только видение настоящего и стратегии вхождения в будущее, но и представления о прошлом. В частности, восприятие народом и своей истории в целом, и конкретных исторических событий во многом определяется интеллектуалами, склонными к переписыванию этой истории и перезаполнению ее «белых пятен».

Большие надежды возлагаются на консолидацию нашей вечно раздробленной и разобщенной интеллигенции[8]. А роль ядра этой новой интеллектуальной элиты отводится научной интеллигенции [30 и др.]. Такой вариант организации общества несколько напоминает платоновскую утопию – общество, которым управляют ученые. Но с тем, что уче-

---

[8] Попытки ее политической консолидации в виде, например, создания политического «Союза людей образования и науки» (СЛОН) дают малоубедительные результаты, такие как распад этой партии сразу же после выборов в ГД, где она набрала очень незначительное количество голосов. Рассогласование мнений по макросоциальным вопросам характерно и для восточноевропейских интеллектуальных элит (см. [11]).

ные должны играть в управлении обществом большую роль, трудно не согласиться. По крайней мере, самим ученым.

Литература

1. *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 43–84.
2. *Гершензон М. О.* Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 85–108.
3. *Рапопорт С. С.* Интеллигенция и политика // Социологический журнал. 2006. № ¾. С. 187–210.
4. *Ваганов А. Г.* В поисках научно-технической политики // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 181–188.
5. Предисловие // В защиту науки. Альманах. Вып. 1. М., 2006. С. 3–10.
6. *Юревич А. В., Цапенко И. П.* Нужны ли России ученые?. М., 2001.
7. *Mirskaya E. Z.* Russian academic science today: It's societal standing and the situation within the scientific community // Social studies of science. 1995. P. 705–725.
8. *Юревич А. В.* Психология революций. М., 2007.
9. *Овсянико-Куликовский Д. Н.* Психология русской интеллигенции // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 382–405.
10. *Бунин И.* Новые российские предприниматели и мифы посткоммунистического сознания // Либерализм в России. М., 1993. С. 46–81.
11. *Кислицын С. А*. Научная элита в системе политической власти. М., 2008.
12. *Макарычев А. С*. Система внешнеполитического планирования и анализа: опыт США 70–90-х годов // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 12. С. 40–49.
13. *Колчинский Э. И.* Российские ученые в поисках путей переустройства российского общества в начале XX века // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. СПб., 2008. С. 139–161.
14. *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология. М., 1994.
15. *Огурцов А. П.* Наука: власть и коммуникация (социально-философские аспекты) // Философия. Наука. Культура. М., 2008. С. 405–416.
16. *Батыгин Г. С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 6–107.
17. *Moley R.* After seven years. N. Y., 1972.
18. *Merton R.* Social theory and social structure. N. Y. 1968. P 264.
19. *Ушакин С. А.* Функциональная интеллигентность // Полис. 1998. № 1. С. 8–20.
20. *Филатов В.* Ученые «на виду»: новое явление в российском обществе // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 89–96.
21. Интеллектуальная миграция в России. СПб., 1993.

22. The nature of creativity: Contemporary psychological perspectives. Cambridge, 1988.
23. *Александров Д. А*. Великая депрессия и наука в США // Наука и кризисы. СПб., 2003. С. 568–576.
24. *Милюков П. Н*. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 294–381.
25. *Chomsky N.* American power and the Mandarins. N. Y., 1967.
26. *Мильштейн И*. Судьба математика // Новое время. 1998. № 41. С. 14–16.
27. *Bauman Z*. Legislators and interpreters. N. Y., 1987.
28. *Jenkins-Smith H. C*. Democratic politics and policy analysis. California, 1990.
29. *Плюснин Ю. М*. Эпистемология и стратегия научного поиска // Наука. Инновации. Образование. Вып. 4. М., 2007. С. 74–95.
30. *Лепский В. Е*. Проблема субъектов российского развития // Проблема субъектов российского развития. М., 2006. С. 5–19.
31. *Степин В. С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996.
32. *Федотов Г. П*. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 403–443.
33. *Макарычев А. С*. Ученые и политическая власть // Полис. 1997. № 3. С. 89–101.
34. *Келле В. Ж*. Перспективы фундаментальной науки в инновационном развитии России // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. СПб., 2008. С. 80–91.
35. *Фукуяма Ф*. Падение корпорации «Америка» // Мир перемен. 2008. № 4. С. 15–32.
36. *Свидерски Э. М*. Эссе об интеллектуальных практиках: «социоморфы», советская социальная теория и философия // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 108–156.